

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С29

Художественное оформление *С. Курбатова*

Селестин, Елена.

С29 Тициан. Любовь небесная – земная / Елена Селестин. —
Москва : Издательство «Э», 2017. – 256 с. : ил.

ISBN 978-5-04-089047-7

Разве мог он даже мечтать о том, что когда-нибудь его имя будет известно по всему миру? Молодой Тициан, иноземец, да к тому же юноша совершенно не образованный, имел все шансы до конца своих дней растереть яичные желтки и просеивать пигменты для темперы... Так и случилось бы, если бы не его яростное желание служить искусству, грандиозный талант и два чувства, ведущие Тициана по жизни, – поклонение перед прекрасной, недостижимой, как звезда, принцессой Джироламой и влечение к совершенно земной рыжеволосой натурщице Виоланте.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Селестин Е., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089047-7

Венера

«Что до меня, то я хотел бы, чтобы после моей смерти Господь превратил меня в гондолу или в навес к ней (felce), а если это слишком, то хоть в весло, в уключину или даже ковш, которым вычерпывается вода из гондолы».

Пьетро Аретино (1492–1556)

*«Венецианцы, глупцы, все с морем брачуются,
А турки давно в любовниках ходят»*

Иоахим дю Белле (1522–1560)

– Тициан, под ноги смотри, шлепнешься в канал!

– Хоть сегодня не цепляйся ко мне, рыжий.

Тем утром майские небеса были ярко-синими, как в горах, в родном селении братьев Вечеллио.

В день Вознесения Господня праздновалось обручение Венеции с морем – Ла Сенса. «Серениссима»* – так называли венецианцы свой город – сияла всеми оттенками, какие можно представить. Колокола церковей

---

* Яснейшая, сиятельная (*итал.*).

ликовали, прославляя Ла Сенсу то по очереди, то все разом. Фасады дворцов с арочными окнами, с вкраплениями античных колонн и розетками складывались в орнамент, похожий на пестрое покрывало. Гондолы и барки, украшенные живыми цветами, напоминали плавучие сады. Какая яркая толпа заполнила улицы, набережные! Можно было увидеть самые удивительные одежды, меха и шляпы, нигде в Средиземноморье не собиралось такой разноязыкой и цветастой, невероятно нарядной публики.

Тициану Вечеллио в этой толпе было приятно считать себя венецианцем, частью общности, которую Петрарка назвал «нацией моряков, всадников и красавиц», впрочем, поэт строго осудил жителей республики за «исковерканный язык и непомерную вольность поведения». Тициан за пять лет, проведенные в Венеции, — кроме сырых и холодных месяцев, когда им с братом Франческо приходилось уезжать в родительский дом в Альпах, — хорошо узнал Серениссиму и надеялся, что город принял его. Разве не научились они с братом под присмотром мастера Дзуккато, ставшего их первым наставником, класть мозаику в Сан-Марко? Благодаря этой работе они прикасались к сердцу Венеции, каждый день видели ее святыни, свезенные со всего света, были причастны к ним. Разве не был он, Тициан Вечеллио, затем принят в лучшую мастерскую города, к Джованни Беллини? А тонкий свиток, который Тициан со вчерашнего дня носил на груди, доказывал, что он теперь не просто безвестный молодой художник, делающий первые не слишком удачные шаги в ремесле живописца. Он особенный, его заметили!

Солнце с самого утра будто светило не всему миру, а лишь Серениссиме. «Мы просим тебя, Боже, даровать нам это море, просим ниспослать всем, кто плавает по нему, мир и спокойствие» — так молились венецианцы, так завершил епископ торжественную мессу. Затем епископ перешел на церемониальную барку дожа — позолоченный буцентавр, задрапированный пурпурным шелком. Он преподнес ему очищенные каштаны, освященное красное вино, букет роз в серебряной вазе и благословил приготовленный перстень. Дождь Республики Леонардо Лоредан, старик с лицом умного верблюда, — в золотом одеянии, в однорогой шапочке, — поднявшись со своего трона, бросил перстень в море, произнеся традиционное: «Мы обручаемся с тобой, о море, в знак истинного и вечного владычества светлейшей Республики Венеции». Толпа наблюдала за церемонией с берега, зрители обсуждали каждый жест, каждый шаг дожа; всем, кроме новых иностранных гостей, были известны тонкости древней ежегодной церемонии. «Благодарение Богу, а также тебе, о прославленный дождь Венеции, Далмации и Кроации, — спасение, честь, жизнь и победа, и помоги тебе Святой Марк!» — скандировала толпа. Леонардо Лоредан пригласил на буцентавр и обнял по очереди каждого нобилия из числа тех, с кем он ссорился в этом году. Одновременно капитан галерного флота Венеции парадным строем провел корабли, украшенные цветами и лентами, по Гранд-каналу.

У моста Риальто на площади можно было купить, рассмотреть или продать все что угодно. Здесь хохотали и толкались, глаза на балаганы и «живые пирамиды», наблюдали за кулачными боями. Уличный пир устраивал каждый цех ремесленников, угощали щедро. Запивая ви-

ном кусок жареного мяса, можно было посмотреть, как вслед за флотом республики по Гранд-каналу проплывали разноцветные суда жителей острова Мурано: на их мачтах хлопали особенно яркие флаги, на борту кукарекали петухи редких пород. Потом началась «женская регата», барками управляли крепкие простолюдинки, жительницы Лидо. Короткие юбки, фартуки, волосы молодых девушек, красиво развевающиеся на ветру, — что может быть приятнее мужскому глазу?

Братья Вечелио и братья Дзуккато протиснулись на Пьяццу: по ней колоннами шли ремесленники, каждый цех отличался и одеждой, и штандартами. Кузнецы несли цветы и свои знамена, гудели в трубы. За кузнецами шли меховщики в соболях, за ними прядильщики, после парада музыкантов перед Дворцом дождей появились капитаны парусных судов в белой одежде с нашитыми красными звездами. Процессия ткачей была разделена: отдельно шли мастера по льну, отдельно — шерстянщики, за ними мастера-одеяльщики, и все в венках из позолоченного бисера. Знамена и одеяния всех цветов, музыка, шум!

Из-за толчеи Франческо и Тициан потеряли из виду братьев Дзуккато. К полудню Тициану стало трудно выносить многоцветье, слившееся в звучащую радугу. Он решил все же посмотреть на выход стеклодувов, они выступали в одеяниях алого цвета, отделанных мехом, бережно несли хрупкие сосуды удивительных форм и оттенков. Где еще увидишь такие изящные изделия, которые вскоре будут проданы по всему свету?

— Фонарщики! Фонарщики идут! — Франческо потащил младшего брата туда, где мастера несли разноцветные фонари с птицами внутри. Поравнявшись с палаццо

Дукале, фонарщики выпустили голубей. Толпа ахнула, мальчишки засвистели — и снежное облако вспорхнуло над крышами. Рядом с Тицианом кто-то поскользнулся и упал в канал, обрызгав праздничные юбки женщин, другой нарочно прыгнул вслед, еще одного столкнули. Хохоча и громко переругиваясь, мокрых шутников стали вытаскивать из воды.

За фонарщиками пошли цирюльники, следом мастера по гребням, потом менялы, еще прошел цех сапожников, за ними — торговцы шелком и бархатом. Замужние матроны, а также и куртизанки спешили увидеть выход золотых дел мастеров. Ювелиры несли на бархатных подушках ожерелья, венки и браслеты из изумрудов и бриллиантов, на шеях у них висели цепи хитроумных плетений. Вокруг ценительниц украшений толклись любители поглазеть на очаровательных женщин, сегодня можно было подойти близко к красавицам, заглянуть им в лицо. Слуги, сопровождающие патрицианок и дорогих куртизанок, пытались расчистить место вокруг них, но толпа напирала. Тициан стал выбираться из толчеи, как вдруг заметил женщину, подобную которой не видел прежде.

Франческо восхищенно присвистнул, а Тициан почувствовал странную дрожь: ему казалось, что красавица смотрит ему прямо в переносицу — пристально, не мигая. Она парила над толпой, как грозный корабль над людским морем. Хотя было ясно, что просто ее дзюкколи (туфли на высокой подошве, которые венецианцы называли попросту «копыта») выше, чем у других дам, тоже господствовавших над толпой. Незнакомка была явно нездешней. Тициан застыл, как перед мощным явлением природы, ему чудилось, что он чувствует ее

аромат, напоминающий о сказочных женщинах из гарема султана. Дама была яркой брюнеткой с белой кожей и светлыми глазами, смотрела со странным выражением то ли высокомерия, то ли страдания.

Красавица обернулась и что-то произнесла, при этом ее лицо осталось бесстрастным. Она опиралась на головы грумов, двух темнокожих подростков, одетых в белые одежды. Те стали хихикать, гримасничать по-обезьяньи и показывать длинными пальцами, как почудилось Тициану, именно на него. Тициан был самым высоким мужчиной в толпе, хотя удивительная дама на своих дзюкколи была еще выше.

Через мгновение он поспешил в сторону рынка на Риальто, на прощание крикнув брату, чтобы тот остался на Пьяцце. Убегая, Тициан оглянулся: брюнетка с помощью слуг передвинулась в толпе, развернувшись неуклюже, как тяжеловесная галера, но ему удалось увидеть ее плащ изумрудного цвета и каскад полупрозрачных покрывал на плечах.

Тициану хотелось попасть на Риальто без брата, чтобы выбрать себе новую одежду и при этом не выслушивать ворчание бережливого Франческо. На полпути он остановился, чтобы перевести дух, потрогать свиток на груди под курткой и кошелек со сбережениями у пояса; сокровища были на месте. Однако старший Вечеллио вскоре нагнал брата, и они пошли по ярмарке вместе, пока не оказались около прилавка с нарядной одеждой. Тициан под пристальным взглядом смуглого торговца-египтянина взял в руки короткий плащ из синего бархата с тонкой меховой оторочкой.

— Как тебе? — Тициан забросил полу плаща на плечо.

— Ты похож на нобилия из Золотой книги, — добродушно рассмеялся Франческо и двинулся дальше вдоль ярмарочных рядов.

— Я возьму этот плащ! — крикнул Тициан торговцу, и тот стремительно кинулся к покупателю, раскинув руки.

— Спятил ты, что ли? Какой из тебя нобиль, дубина? — Брат в два прыжка вернулся, сорвал с него плащ и бросил в египтянина; бархат облепил лысую голову торговца, и тот начал приплясывать, как бык на арене, пытаясь освободиться. — Вот напишу отцу, что ты транжиришь деньги!

— Я беру, — повторил Тициан, притянув плащ к себе. Лицо торговца появилось из-под бархата, черные глаза смеялись, хоть он и состроил испуганную мину.

Франческо попытался схватить Тициана за руку:

— Он просит три дуката, опомнись!

Когда-то в Сан-Марко им платили четверть дуката в месяц на двоих.

— Отцепись, — отмахнулся Тициан и протянул деньги египтянину.

— Ох, принесет этот расчудесный плащ тебе такое счастье, парень, — затянул торговец. — Сказочную удачу!

— А ну отдай деньги, ты! Мой брат пошутил! — Франческо угрожающе надвинулся на египтянина, тот проворно забежал за прилавок, словно умная крыса, и спрятался. — Я тебе покажу, как морочить голову людям, сейчас переверну здесь все и выброшу в канал твои паршивые тряпки! — пригрозил старший Вечелио торговцу.

— Пойдем! Мне нужен как раз такой, — Тициан ухватил брата за руку.

Вокруг смеялись, глядя, как препираются друг с другом и тянут в разные стороны дорожную материю крепкие высокие парни, явно из деревенских, очень похожие друг на друга. Тот, что ругался, был более коренастым, с рыжими кудрями, а второй — более стройным и темно-волосым.

— Может, перстней прикупишь? Глянь, у нас лучшие золотые перстни! — крикнули из соседней лавки.

— Хочешь понравиться красотке из Каstellетто — лучше купи перчатки, она не заметит твои ручки! — закричали с другой стороны. Тициан, зажав плащ под мышкой, торопливо пошел вдоль торговых рядов, натываясь на горожан. Франческо бежал за ним, выкрикивая:

— Вернись! Вернись, кому сказал!

Тициан быстро завернул за угол на Калле Россе.

Дома разгорелась такая ссора, что кухарка Рина, опасаясь драки между братьями, сбежала на улицу. Тициану пришлось объясниться с братом: он достал свиток и под взглядом Франческо, которого трясло от негодования, аккуратно развязал тонкий алый шнурок.

— Посмотри, вот взгляни, что здесь написано, — Тициан старался говорить спокойно, но голос его ликовал. — Меня пригласила к себе сама Катерина Венета!

— Когда пригласила?! — остолбенел Франческо.

— Завтра — Катерина Венета...

— Это Катерина Корнаро, что ли, сама королева Кипра?

— Да! — счастливо рассмеялся Тициан. — Она устраивает пир в своем палаццо на Гранд-канале. И меня пригласила на свой праздник! Вчера у Джамбеллино мне передали письмо, вот почитай: молодому Вечеллио Тициану, художнику из Кадора, мы предлагаем почтить нас

присутствием. Смотри, какая подпись, здесь ее печать. — Тициан приплясывал от радости и был готов расцеловать душистую бумагу.

— А меня... там сказано про меня тоже?! — Брат взял свиток.

Наступил момент, которого боялся Тициан.

— Нет.

— Ясно, — Франческо в раздражении отбросил приглашение, Тициан еле успел поймать, — значит, ты даже не сказал этим людям, что у тебя есть брат? Родной брат?! Как ты можешь так поступать со мной! — Он в бешенстве выплеснул на пол вино из кружки.

— Когда она приходила в мастерскую и с ней толпа важных людей, Джамбеллино никого из нас ей не представил. Мне надо узнать их хоть немного, Франческо, и тогда, поверь, мы снова вместе...

— А почему она позвала именно тебя?

— Наверное, ей показали Пьету, где я прописал складки платья Магдалины и деревья на заднем плане. Может, Катерина... или кто-то из тех, кто был рядом, обратил внимание на мою работу, — оправдывался Тициан. — Думаю, так это произошло.

— Значит, ты все же ее видел? Какая она?

— Только издали. Джамбеллино сказал, чтобы все ушли, мы отправились на кухню и вернулись, только когда ее уже не было.

— А как же она узнала, что ты писал складки и что-то там еще?

— Ты допрашиваешь, будто ты Совет Десяти, а я вор какой-нибудь! — не выдержал Тициан. — Чем я вообще виноват, сам подумай! Это счастливый случай для нас обоих!

Франческо пил вино и злился, он всегда обижался на долго и мирился тяжело.

— Потому что, Тициан, если ты помнишь, мы поклялись отцу, что всегда будем вместе, будем помогать друг другу, а ты теперь хочешь везде ходить без меня. Завтра будешь пировать с богачами, а я что — должен дома хлебать пустой суп и радоваться? Ха-ха, вот спасибо!

Тициан напомнил брату, что, когда он решил покинуть удобное место подмастерья у добрейшего Бастьяно Дзуккато, Франческо наотрез отказался последовать за ним — сказал, что раз они нашли работу, которая никогда не закончится, то нечего искать других приключений. Класть мозаику в Сан-Марко — это действительно работа бесконечная, республике всегда нужны будут мозаичисты, чтобы выкладывать новые композиции и реставрировать старые, выложенные византийцами столетия назад. Однако Тициану стало скучно. К тому же у мастера Дзуккато двое сыновей: симпатичные ребята, не слишком работающие, но и не безнадежно ленивые. Отец наверняка передаст свою должность и дело одному из них, а быть всю жизнь на подхвате у братьев Дзуккато Тициану не хотелось. И главное — он мечтал писать темперой и масляными красками, хотел научиться живописи, чтобы в будущем создавать свои образы, иметь собственную мастерскую. В Сан-Марко они с Франческо трудились от зари до зари и получали по двадцать сольдо в месяц, не было времени на то, чтобы заниматься рисунком или учиться чему-то. Знакомый как-то подсказал, что мастеру Джентиле Беллини нужен подмастерье, и Тициан рискнул уйти. Мастер Дзуккато сразу взял на место Тициана другого парня.

— Франческо, думаешь, мне не страшно было одному идти наниматься к старшему Беллини?

— С какой стати, Тициан, я должен был бежать за тобой? И чем плохо было тебе у Дзуккато? Он тоже виноват, твердил, что у тебя получается лучше, чем у других. Вот ты загордился — и получил! Я не такой дурной, люблю надежность в любом деле, как наш отец!

Тициан чуть было не остался без работы. Джентиле Беллини, нервный старик, похожий на засушенного кузнечика, — Тициану казалось, что ему лет сто, — прославился тем, что в свое время работал в Турции у свирепого султана Махмеда Второго по поручению Совета Республики. Рассказывали, что однажды султан заметил Джентиле, что артерия на отсеченной голове Иоанна Крестителя написана им неправдоподобно. Строптивый Джентиле возражал султану, утверждая, что на его картине все прописано верно. И тогда Махмед Второй встал и в одно мгновение снес голову рядом стоящего слуги, а затем взял ее в руки и показал художнику, в чем была его ошибка. Может, эта байка и была придумана, и неизвестно, как там на самом деле старый Джентиле общался с султаном, но в своей мастерской на Дорсодуро он орал на помощников так, что было слышно через канал и по всей Джудекке. Иногда на его крик прибегали стражники проверить, все ли в мастерской остались живы. Хотя, надо отдать должное, руки Джентиле распушались редко, у него на это просто не хватало сил. Тициану сразу очень понравилось, что в мастерской писали и маслом, и темперой, — он жаждал изучить обе техники. Но не успел.

Пока Тициан в мастерской растирал яичные желтки и просеивал пигменты для темперы, все шло хоро-